

Покушение на Конрада Аденауэра: Заговор с целью сорвать репарации

В первые годы послевоенной Западной Германии Конрад Аденауэр, первый канцлер страны, стал ключевой фигурой в восстановлении разрушенной страны и возвращении её на мировую арену. Как убеждённый антинацист и набожный католик, Аденауэр возглавлял Западную Германию с 1949 по 1963 год, направляя её к демократии, экономическому восстановлению и примирению с бывшими врагами. Однако его усилия по переговорам о репарациях с Израилем за ужасы Холокоста сделали его мишенью экстремистской оппозиции. 27 марта 1952 года посылка с бомбой, адресованная Аденауэру, взорвалась в штаб-квартире мюнхенской полиции, убив полицейского и разоблачив шокирующий заговор об убийстве, связанный с израильским боевиком Менахемом Бегоном. Эта статья исследует контекст, исполнение и последствия этой дерзкой попытки убить канцлера, проливая свет на малоизвестную главу истории Холодной войны.

Конрад Аденауэр и Соглашение о репарациях

Конрад Аденауэр, родившийся в 1876 году в Кёльне, был опытным политиком с историей противостояния нацизму. Как мэр Кёльна во времена Веймарской республики, он сопротивлялся режиму Гитлера, был заключён в тюрьму и жил в уединении во время войны. После 1945 года он стал сооснователем Христианско-демократического союза (ХДС) и первым канцлером Западной Германии в 1949 году, с задачей восстановить нацию в руинах. Его внешняя политика приоритизировала интеграцию с Западом и примирение с бывшими противниками, включая Францию и Соединённые Штаты. Краеугольным камнем его моральной и дипломатической повестки было решение ответственности Германии за Холокост.

В 1951 году Аденауэр инициировал переговоры о Соглашении о репарациях с Израилем, направленные на предоставление финансовой компенсации выжившим в Холокосте и новорождённому еврейскому государству. Переговоры, формализованные в Люксембургском соглашении сентября 1952 года, были глубоко спорными. В Германии некоторые видели репарации как экономическое бремя или признание коллективной вины, в то время как в Израиле многие выступали против принятия денег от Германии, считая это легитимизацией нации, ответственной за геноцид шести миллионов евреев. Радикальные группы, особенно связанные с сионистской военизированной организацией Иргун, осуждали соглашение как предательство жертв Холокоста, аргументируя, что выжившие должны получать прямые выплаты, а не средства, направляемые через израильское правительство на проекты строительства государства.

Менахем Бегин и связь с Иргун

В центре заговора об убийстве стоял Менахем Бегин, выдающаяся фигура в истории Израиля, который позже служил премьер-министром с 1977 по 1983 год и разделил Нобелевскую премию мира 1978 года за соглашения в Кэмп-Дэвиде. В 1952 году Бегин был лидером Херут, правой политической партии с корнями в ревизионистском сионистском движении, и бывшим командиром Иргун, довоенной милиции, ответственной за атаки на британские силы в Палестине. Бегин, чья семья погибла в Холокосте, яростно выступал против соглашения о репарациях, считая его моральным компромиссом, позволяющим Германии «купить» отпущение грехов.

Оппозиция Бегина не была лишь риторической. Согласно последующим разоблачениям, он активно поддерживал план убийства Аденауэра, чтобы сорвать переговоры о репарациях. План был организован небольшой группой бывших членов Иргун, включая Элиэзера Судита, который подробно описал своё участие в мемуарах, опубликованных десятилетия спустя, *Be'shlhut Ha'matzpun (По миссии совести)*. Рассказ Судита, подтверждённый немецким журналистом Хеннингом Зитцем в его книге 2003 года *Покушение на Аденауэра: Тайная история политического нападения*, раскрыл центральную роль Бегина в одобрении, финансировании и планировании операции.

Развитие заговора

Попытка убийства была смелой и дилетантской. 27 марта 1952 года посылка, адресованная канцлеру Аденауэру, прибыла в штаб-квартиру полиции Мюнхена, вызвав подозрения из-за детского почерка и неправильного адреса. Посылка, содержащая бомбу, спрятанную в энциклопедии, была отправлена двумя подростками, нанятыми заговорщиками. Подозревая неладное, мальчики сообщили в полицию вместо отправки. Когда офицеры попытались осмотреть посылку, она взорвалась, убив баварского полицейского Карла Райхерта и ранив ещё двоих.

Одновременно две дополнительные бомбы в письмах были отправлены на место, где израильская и немецкая делегации вели переговоры о репарациях, и ответственность взяла на себя группа, назвавшая себя Еврейской партизанской организацией. Эти бомбы не достигли целей, но взрыв в Мюнхене запустил международное расследование. Французские и немецкие власти проследили заговор до пяти израильских подозреваемых в Париже, все связанные с Иргун. Среди них был Элиэзер Судит, признавшийся в подготовке взрывного устройства. Подозреваемые были арестованы, но позже им разрешили вернуться в Израиль, а доказательства были засекречены, чтобы избежать разжигания антисемитских настроений в Германии.

Мемуары Судита, опубликованные в 1990-х годах, предоставили ключевые insights в мотивы и исполнение заговора. Он утверждал, что намерением не было убить Аденауэра, а привлечь международное внимание СМИ и нарушить переговоры о репарациях. «Было ясно всем нам, что посылка не имеет шанса добраться до Аденауэра», — написал Судит, предполагая, что заговор был задуман как символический акт. Однако это утверждение оспаривается, поскольку участие Бегина и смертельный исход — смерть полицейского — предполагают более серьёзное намерение. Судит рассказал о личной преданности Бегина, включая предложение продать свои золотые часы для

финансирования операции, когда деньги закончились, и встречи с депутатами Кнессета Йохананом Бадером и Хаимом Ландау, а также бывшим главой разведки Иргун Аббой Шерцером для координации заговора.

Последствия и сокрытие

Правительство Западной Германии под руководством Аденауэра и израильский премьер-министр Давид Бен-Гурион оба стремились преуменьшить инцидент, чтобы сохранить хрупкие двусторонние отношения. Аденауэр, знавший о происхождении заговора, выбрал не преследовать его агрессивно, опасаясь антисемитской реакции в Германии или срыва репараций. Бен-Гурион, поддерживавший соглашение о репарациях, оценил сдержанность Аденауэра, поскольку обнародование роли Бегина могло напрочь зарождающиеся германо-израильские отношения. Детали в основном оставались подавленными до 2006 года, когда *Frankfurter Allgemeine Zeitung* опубликовала отрывки из мемуаров Судита, вызвав renewed интерес и дебаты.

В Израиле роль Бегина оставалась неясной десятилетиями. Его личный секретарь Йехиэль Кадишай и Херцль Маков, директор Центра наследия Менахема Бегина, заявили о незнании заговора при опросе в 2006 году. Однако рассказ Судита, подкреплённый исследованиями Зитца, оставил мало сомнений в участии Бегина. Разоблачение шокировало аналитиков, учитывая поздний статус Бегина как миротворца, и подняло вопросы об этике политического насилия в постхолокостную эпоху.

Попытка убийства не смогла сорвать Соглашение о репарациях, которое было подписано в сентябре 1952 года. Западная Германия первоначально выплатила около 3 миллиардов немецких марок Израилю и 450 миллионов Конференции по претензиям, с продолжением выплат по новым претензиям. Соглашение укрепило экономику Израиля и ознаменовало значительный шаг в моральном расчёте Германии, хотя оставалось разделяющим. Выживание и решимость Аденауэра укрепили его внутреннее и международное положение, способствовав его переизбранию в 1953 году.

Наследие и историческое значение

Покушение на Конрада Аденауэра подчёркивает сырые эмоции и сложную политику постхолокостной эры. Для Бегина и его союзников соглашение о репарациях символизировало предательство еврейских страданий, но их насильственный ответ рисковал подорвать моральную авторитет Израиля и дипломатические цели. Решение Аденауэра подавить дело отражало его прагматическую приверженность примирению, даже ценой прозрачности. Инцидент также подчёркивает вызовы навигации справедливости, памяти и национальных интересов в тени геноцида.

Сегодня заговор — это лишь сноска в наследии Аденауэра и Бегина, затенённая их поздними достижениями. Аденауэр празднуется как отец-основатель современной Германии и европейской интеграции, в то время как Бегин помнится за роль в обеспечении мира с Египтом. Тем не менее, попытка 1952 года служит напоминанием о волатильности ранних лет Холодной войны, когда идеологические разногласия и ис-

торические раны подпитывали экстремальные меры. Она также побуждает к размышлениям об этике политического насилия и хрупком балансе дипломатии в обращении с прошлыми зверствами.

Как отметил историк Моше Циммерманн, секретность заговора была обусловлена взаимным желанием защитить германо-израильское примирение. Его запоздалое разоблачение через мемуары Судита и последующие репортажи приглашает нас справляться с моральными амбивалентностями времени, когда выжившие, государственные деятели и боевики боролись с наследием Холокоста глубоко разными способами.